

СОРОКЪ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ.

РУССКІЙ АРХІВЪ

1911

3.

Стр.

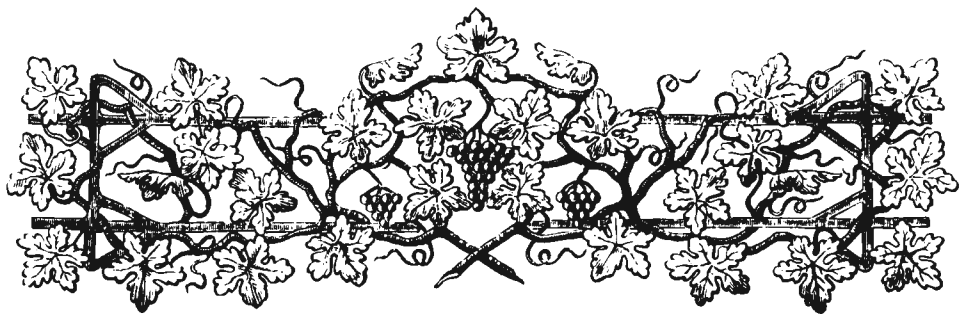
321. Старообрядческое сказаніе о патриархѣ Никонѣ, написанное настоятелемъ Выгорьцкаго общежитіельства **Андреемъ Діонисіевичемъ**.
369. Письма къ И. И. Березнякову: **Н. Н. Мурзаневича**, **И. Шульгина**, князя **М. А. Оболенскаго**, **М. Т. Каченовскаго** и **А. А. Кункина**.
375. Изъ Записокъ сенатора **К. Н. Лебедева**. 1862 годъ («Сѣверная Почта». Дѣло князя **Л. В. Кочубея**. — Профессоръ **Павловъ**. — **В. А. Шереметьевъ**. — Супруги **Обрѣзковы**. Катковъ о Герцнѣ — Газета «Голосъ». — Графъ **В. Н. Панинъ**).
723. Къ исторіи Еврейства. (Бундъ. — Вооруженные мятежи и подавленіе ихъ). **Н. С. Граве**.
443. Изъ прошедшихъ судебъ Туркестана (правда о начѣтѣ на **М. Г. Черниена**) **А. М. Черняевой**.
463. Къ жизнеописанію епископа **Порфирія Успенскаго**. Изъ писемъ его къ разнымъ лицамъ. Сообщено **А. А. Титовымъ**.
483. Письма князя **А. Н. Голицына** къ **А. Ѳ. Лабзину**.
487. Письма **А. С. Хомякова** къ **Б. А. Коссовичу**.
493. О стихотвореніи Пушкина «Примѣты». **Н. О. Лернера**.
495. Изъ Записной Книжки «Русскаго Архива».

Внутри обложки: О раскрѣпощеніи помѣщичьихъ крестьянъ. — Труды **П. Ф. Павловскаго**.

МОСКВА.

Синодальная Типографія.

1911.

ИЗЪ ПРОШЕДШИХЪ СУДЕБЪ ТУРКЕСТАНА.

Правда о начетѣ на М. Г. Черняева.

Въ бумагахъ покойнаго отца моего, Михаила Григорьевича Черняева, сохранилась автографическая замѣтка слѣдующаго содержанія: „Генераль-адъютантъ К. П. Кауфманъ, недовольный моею статьей помѣщенной въ „Русскомъ Мірѣ“, сдѣлать на меня начетъ чрезъ десять лѣтъ по завоеваніи мною края, обошедшемся государству всего 235 т. рублей и въ которомъ онъ Кауфманъ былъ генераль-губернаторомъ съ царской обстановкой. Полиція пришла ко мнѣ въ редакцію „Русскаго Мира“ взыскивать съ меня эти деньги, но благодаря **Θ. Θ. Трепову** (бывшему тогда градоначальникомъ) все обошлось благополучно. Начетъ былъ въ 4800 р. Мнѣ предложено было приставомъ, отъ имени **Θ. Θ. Трепова**, написать возраженіе для отправки въ Ташкентъ, чтобы выиграть время. Но взысканіе продолжалось, и только благодаря **Александру III**, бывшему тогда Наслѣдникомъ, сказавшему начальнику штаба, графу **Гейдену**: „оставьте эту мерзость противъ Черняева“, было прекращено. Слова эти лично сообщены мнѣ графомъ **Гейденомъ**“.

„На запросъ командующаго Туркестанскими войсками, не поступало-ли отъ меня на покрытіе насчитаннаго на меня долга въ 3931 р. 9¼ к. какихъ либо суммъ, имѣю честь отвѣтить, что 8 Апрѣля настоящаго года истекаетъ ровно десять лѣтъ со дня оставленія мною Туркестана, и потому я ничего не могу припомнить, какъ въ отношеніи образованія этого начета, такъ и относительно его погашенія. Я помню хорошо только одно, что мнѣ не съ чѣмъ было выѣхать изъ покореннаго мною края и что теперь, кромѣ выслуженной за 35 лѣтъ пенсіи, у меня ничего не имѣется.

„Эту-то пенсію я могу предложить правительству на погашеніе насчитаннаго на мнѣ долга и затѣмъ сохранить себѣ въ утѣшеніе неоспоримое право считать, что покореніе къ подножію Русскаго престола обширнаго и богатаго края сдѣлано не только дешево, но и на собственный счетъ“.

„Не могу не указать при этомъ, что всѣмъ въ краѣ извѣстны (а слѣдовательно и его начальствующимъ) какъ размѣръ моего содержанія въ то время (5 т. р.), такъ и мой образъ жизни. То и другое свидѣтельствуется, что деньги, которыя по истеченіи десяти лѣтъ съ меня готовы теперь взыскать, истрачены не на мои личныя потребности. Сохраняемая до сихъ поръ, гдѣ я жилъ, землянка, вблизи воздвигнутаго послѣ для генераль-губернатора дворца, служить нагляднымъ тому доказательствомъ. Въ заключеніе не могу не сказать также, что и для формальностей есть предѣлы, переходить которые безнравственно“.

Эта собственноручная замѣтка М. Г. имѣетъ значеніе историческое по дѣлу о начетѣ, подтверждаемое документально подлиннымъ дѣломъ Контрольной Оренбургской Палаты. Коментаріи къ приведенному отзыву, посланному въ Ташкентъ моимъ отцомъ въ 1876, были имъ написаны позднѣе, и этимъ объясняется ошибочное выраженіе „сдѣлать начетъ“ вмѣсто должнствующаго стоять: „воспользовался сдѣланнымъ на меня начетомъ“, но дѣло отъ этого нисколько не измѣняется.

Въ Январѣ 1875 г. Михаилъ Григорьевичъ состоялъ въ распоряженіи генераль-адъютанта Коцебу, по званію командующаго войсками Варшавскаго военнаго округа, но проживалъ въ то время въ Петербургѣ, редактируя газету „Русскій Міръ“, хотя официальнымъ редакторомъ ея въ то время подписывался Николай Стромиловъ, а издателемъ Илья Похитоновъ. Что главнымъ участникомъ и дѣятелемъ въ редакціи этой газеты былъ прославившійся на поляхъ Средней Азіи, покоритель Ташкента, всѣмъ въ Петербургѣ было извѣстно, а 20 Іюня того же 1875 года „Русскій Міръ“ подписываетъ уже какъ редакторъ М. Черняевъ, напечатавъ передовую статью отъ редакціи говоря, что „принимая въ непосредственное свое вѣдѣніе редакцію „Русскаго Міра“, находимъ не лишнимъ довести до свѣдѣнія читателей, что въ своей дальнѣйшей дѣятельности *мы будемъ слѣдовать тому же направленію, которому слѣдовали до сихъ поръ*“).

20 Іюня 1875 года М. Г. Черняевъ высочайшимъ приказомъ, по домашнимъ обстоятельствамъ, былъ уволенъ отъ службы съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго оклада и таковымъ же приказомъ опредѣленъ

*) Курсивъ. мой А. Ч.

вновь на службу съ зачисленіемъ по Генеральному Штабу. Съ первыхъ номеровъ „Русскаго Мира“ въ немъ появились статьи и замѣтки касющіяся Туркестана, а въ № 28, отъ 30 Января того же 1875 г., въ немъ напечатана передовая статья слѣдующаго содержания.

„Не смотря на упорно повторявшіеся слухи о печальномъ положеніи дѣлъ нашихъ на Средне-Азіатскихъ окраинахъ, мы воздерживались говорить о Туркестанѣ, не желая дать той части Англійской печати, которая враждебно относится къ распространенію нашего въ Средней-Азій, повода отрицать предназначенную намъ миссію въ этой части свѣта и возбуждать противу насъ общественное мнѣніе страны, истолковывая дѣла нашихъ завоеваній здѣсь, въ превратномъ смыслѣ. Но теперь, когда правительство Сѣверо-Американскихъ Штатовъ опубликовало официальную депешу секретаря своего посольства въ Петербургъ о положеніи дѣлъ въ Средней-Азій, мы полагаемъ, что дальнѣйшее молчаніе о фактахъ, о которыхъ говорятъ и въ старомъ, и въ новомъ свѣтѣ, было бы съ нашей стороны неумѣстнымъ. Вотъ почему, получивъ изданный Американскимъ правительствомъ официальный сборникъ донесеній отъ его дипломатическихъ агентовъ (Красная Книга), мы рѣшили въ настоящемъ номерѣ напечатать въ переводѣ депешу изъ Петербурга отъ 7-го Марта 1874 года. Авторъ депешы посѣтилъ центральную Азію, какъ путешественникъ, вовсе не имѣя въ виду какой либо политической цѣли; но занимаемое имъ официальное положеніе въ Петербургѣ при посольствѣ дало ему возможность ознакомиться съ положеніемъ тамошнихъ дѣлъ и собрать данныя, какъ собственно о Русскомъ Туркестанѣ, такъ и о независимыхъ ханствахъ Средней Азій“.

„Въ депешѣ мистера Скайлера весьма искусно сгруппированы и освѣщены нѣкоторые факты, о которыхъ давно доходили до насъ слухи. Говоря объ умѣнны Русскихъ уживаться съ покоренными племенами, онъ въ тоже время живо рисуетъ картину самой беззастѣнливой эксплуатаціи ихъ Русскими чиновниками, но при всемъ этомъ отдаетъ Россіи предпочтеніе передъ Англіей“.

„Въ виду мнѣнія о положеніи нашемъ въ Туркестанѣ, высказаннаго гражданиномъ дружественной намъ страны, заинтересованной нашими успѣхами въ Азій, мы придаемъ весьма важное значеніе рѣшенію, какое приметъ правительство относительно новаго проекта „Положенія объ управленіи областями Туркестанскаго края“, представленнаго генераль-губернаторомъ“.

„На окраинахъ всегда много воспламеняющагося матерьяла, и все что дѣлаемъ тамъ невпопадъ или своевременно не сдѣлаемъ того, чего требуютъ наши интересы, приносить госуларству положительный и трудно поправимый впослѣдствіи вредъ; потому что тамъ находятся на лицѣ прямо враждебныя намъ силы, готовыя во всякое время воспользоваться каждою нашею ошибкою и постараться обратить ее во вредъ Россіи“.

„Успѣхи двухъ мятежей въ Царствѣ Польскомъ и Западномъ краѣ, вспыхнувшихъ въ тридцатыхъ и шестидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, безъ сомнѣнія были вызваны и подготовлены ошибочною системою управленія

этими окраинами. Тоже самое мы видимъ и въ Сибири, гдѣ опытъ реформъ, введшихся въ 1822 г., также вызвалъ смуты. Мы не говоримъ уже о причинахъ недавнихъ безпорядковъ между Киргизами Оренбургской степи, потому что эти причины еще свѣжи въ памяти каждаго. Дикари не умѣли понять насильно навязываемыхъ имъ благодѣяній, и одни изъ нихъ бѣжали въ Хивинскія владѣнія, другіе заплатились жизнію, а степь осталась до того разоренною, что едва ли въ 25 лѣтъ достигнетъ прежняго своего благосостоянія“.

„Эти историческіе примѣры нашихъ ошибокъ на окраинахъ и печальныя отъ того послѣдствія небезполезно вспомнить теперь въ виду новаго проекта „Положенія объ управленіи Туркестанскимъ краемъ“ и тѣмъ болѣе потому еще, что со времени завоеванія мѣстности, составляющей Туркестанское генераль-губернаторство, прошло всего девять лѣтъ, въ продолженіи которыхъ Ташкентская администрація увозить изъ Петербурга одинъ за другимъ отвергнутые проекты свои и черезъ годъ привозить новый, въ которомъ безъ объясненія причинъ совершенно измѣнены и взглядъ и направленіе администраціи“.

„Торговля сношенія, издавна существовавшія между Русскими и туземцами Туркестанской области, постепенно готовили почву для сближенія съ нами. Этимъ объясняется необыкновенно быстрый успѣхъ покоренія Туркестана съ самымъ ничтожнымъ количествомъ войска. Занятіе каждаго новаго пункта готовилось самими жителями, сознавшими необходимость водворенія безопасности, которой не могло дать имъ ихъ прежнее варварское, Коканское правительство и которой туземцы ожидали отъ Русской власти“.

„Политическій тактъ и благоразуміе мѣстной Русской администраціи должны были бы подсказать ей, что необходимо поддержать такое благопріятное расположеніе туземцевъ къ Русскимъ властямъ, и тѣмъ болѣе ей легко было это сдѣлать, что торный путь къ этому былъ проложенъ въ самомъ началѣ занятія края*), нѣкоторыми своевременными принятиями мѣръ. Онѣ заключались въ томъ, что было принято за руководящее начало: не ставить Русскія власти во главѣ туземной администраціи, а въ сторонѣ отъ нея, какъ высшій контроль за управляющими и защиту для управляемыхъ“.

„Даже при сборѣ податей была сохранена за Русскою властью роль защитника угнетенныхъ. Сами туземныя власти производили сборъ, а Русскіе чиновники, управлявшіе населеніемъ, не принимали въ сборѣ непосредственнаго участія. Такимъ образомъ, удаленные отъ всякихъ соблазновъ къ наживѣ и возможности притѣсненія туземныхъ жителей ради своекорыстныхъ цѣлей, Русскіе чиновники тогдашняго времени, въ глазахъ населенія были ничто иное какъ его защитники, и народъ смѣло обращался къ нимъ съ жалобами на притѣсненія и злоупотребленія своихъ туземныхъ властей и сборщиковъ“.

„Къ числу этихъ мѣръ, безъ сомнѣнія возвышавшихъ значеніе и авторитетъ Русскихъ въ средѣ населенія Туркестанскаго края, слѣдуетъ отнести также оставленіе въ прежней силѣ туземнаго гласнаго суда. Но рядомъ съ

*) То есть авторомъ этой статьи, М. Г. Черняевымъ.

нимъ постановленъ былъ такой же Русскій, безъ всякаго допущенія излишнихъ противу туземнаго суда формальностей. Каждому изъ жителей предоставлено было на выборъ пользоваться тѣмъ или другимъ судомъ. Чтò касается выборнаго начала, то въ завоеванномъ краѣ признано было неудобнымъ установить его въ полной силѣ. Общества могли просить того или другого лица для управленія ими, но за Русскою властью сохранено было право утверждать избраннаго или назначать по своему выбору. Мѣра эта была необходима для того, чтобы власть не попадала въ руки людей непріязненныхъ Русскому правительству и чтобы въ случаѣ какого нибудь общаго неудовольствія не очутиться съ глазу на глазъ съ силою враждебною Русской администраціи“.

„Очевидно, что подобная система управленія вела къ возвышенію авторитета Русской власти, которая въ глазахъ туземнаго населенія была только защитой порядка и спокойствія, а не представлялась наѣдомъ разныхъ лицъ проголодавшихся у себя дома, Русскихъ цивилизаторовъ, стремившихся въ Туркестанскій край, какъ въ обѣтованную землю“.

„Система эта не требовала вовсе такого усиленія штатовъ, какое мы видимъ въ настоящее время и увидѣли бы еще больше, если бы былъ утвержденъ проектъ новаго положенія. Эта система не требовала вовсе тѣхъ огромныхъ, но совершенно непроизводительныхъ затратъ, которыя по расчету, сдѣланному комиссіей (учрежденной при Министерствѣ Финансовъ, для разсмотрѣнія этого новаго проекта) дошли до громаднаго размѣра восьми милліоновъ въ годъ, а въ пятилѣтній періодъ существованія Туркестанскаго генераль-губернаторства, съ 1868 по 1872 годъ включительно, израсходовано 29.497.414 руб. сер., тогда какъ доходовъ въ краѣ поступило только 10.588.450 р. Слѣдовательно составившійся дефицитъ въ 19-ть милліоновъ покрывался изъ ресурсовъ государственнаго казначейства“.

Съ учрежденіемъ генераль-губернаторства въ Туркестанскомъ краѣ, какъ свидѣтельствуетъ журналъ комиссіи, въ теченіи пяти лѣтъ, съ 1868 по 1872 г. включительно, доходы края уменьшились, тогда какъ расходы на него, постоянно и значительно возрастаая, превзошли въ 1872 г. доходы болѣе чѣмъ въ 3¹/₂ раза. Цифры, приводимыя комиссіей, извлечены ею изъ свѣдѣній Туркестанской Казенной Палаты и слѣдовательно не подлежатъ никакому сомнѣнію.

„Такія щедрыя и непроизводительныя затраты, дѣлаемыя на счетъ средствъ государственнаго казначейства Туркестанскою администраціей на содержаніе тамъ двухъ многочисленныхъ армій (одной пишущей, другой стрѣляющей), едва ли оправдываются настоящимъ положеніемъ дѣлъ въ Средней-Азій“.

„Намъ могутъ возразить, что содержаніе многочисленной Русской администраціи въ Туркестанскомъ краѣ необходимо въ видахъ его объединенія съ Россіей; но, по свидѣтельству мистера Скайлера, оно уже повело къ совершенно противоположнымъ результатамъ, т. е. къ недовольству Русскими порядками и полному разьединенію“.

„Требовать, чтобы Киргизы и Сарты Туркестана управлялись одинаково съ подмосковными жителями—значить насиловать природу вещей. Населеніе

Закавказскаго края было гораздо болѣе подготовлено къ принятію нашей гражданской администраціи, а между тѣмъ, присоединенное въ 1801 г., оно только чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ окончательно получило обще-государственные учрежденія“.

„Если же, въ оправданіе щедрыхъ милліонныхъ затратъ казенныхъ денегъ, намъ возразятъ, что на Востокъ для обаянія Русской власти необходима особенно блестящая обстановка, чтобы морально дѣйствовать на умы Азіатцевъ, то мы напомнимъ защитникамъ этого принципа въ Туркестанѣ первые годы занятія этой области, когда нравственное значеніе Русской власти, при ея бѣдной тогдашней обстановкѣ, было нисколько не слабѣе, если еще не сильнѣе, настоящаго, когда на поддержаніе его тратятся милліоны изъ податныхъ денегъ Русскаго народа“.

Этимъ оканчивается передовая статья „Русскаго Міра“¹⁾. и затѣмъ въ томъ же номерѣ газеты печатается депеша¹⁾ мистера Скайлера, секретаря Американскаго посольства, рисующаго яркую и любопытную картину устроительства Туркестанскаго края.

„Сэръ, я посѣтилъ центральную Азію“, пишетъ мистеръ Скайлеръ маршалу Джуэлъ, „не имѣя никакой политической цѣли, по причинѣ занимаемаго мною officialнаго положенія. Меня всюду встрѣчало радушное гостепріимство, и я имѣлъ возможность собрать нѣкоторые небезынтересныя для правительства данныя“.

„Генераль Кауфманъ прибылъ въ Ташкентъ въ 1867 г., и новыя положенія или вѣрнѣе проекты еще не утверждены Императоромъ. Новый проектъ, составленный зимою того же года, былъ одинаково отвергнутъ совѣтомъ Имперіи“.

„Въ силу этого, Туркестанскій округъ находился на неопредѣленномъ положеніи съ начала 1871 г., хотя администрація постоянно держалась на правленія, указаннаго первымъ, имѣвшимъ легальную силу, проектомъ“.

„Въ общихъ чертахъ проектъ состоитъ въ слѣдующемъ. Генераль-губернаторъ края, онъ же и главнокомандующій войсками, занимаетъ почти такой-же постъ, какъ генераль-губернаторы другихъ мѣстностей Имперіи, но онъ *кроме того имѣетъ власть въ случаѣ нужды примѣнить данныя инструкции или допустить какое либо исключеніе*²⁾. Онъ имѣетъ также полномочіе на дипломатическіе переговоры съ сосѣдними государствами. Подъ его начальствомъ состоятъ два губернатора, Сыръ-Дарьинскій и Семирѣченскій“.

„Уѣздное начальство удалено, такъ сказать, отъ глазъ и контроля центральной администраціи. По назначеніи на должность оно вскорѣ вступаетъ на путь Азіатскихъ порядковъ, злоупотребляетъ своею властію, считая себя почти вѣкъ всякой отвѣтственности. Поразительный тому примѣръ мы видимъ въ дѣлѣ

¹⁾ Депеша помѣчена: С.-Петербургъ; 7 Марта 1874 г.

²⁾ То есть имѣть особыя полномочія, что весьма знаменательно при настоящемъ изслѣдованіи дѣлъ о начетѣ. А. Ч.

управленія Кураминскимъ уѣздомъ, наиболѣе плодороднымъ и гущенаселеннымъ изъ всего округа. Уѣздъ этотъ граничитъ съ Ташкентскимъ, но не включенъ въ него. Начальникъ Кураминскаго уѣзда собралъ въ одинъ годъ девяносто тысячъ рублей разными незаконными налогами и всѣ ихъ прожилъ, кромѣ другихъ казенныхъ денегъ. Онъ былъ, однако, миляхъ въ пяти отъ дома генераль-губернатора, и всѣмъ было извѣстно, что онъ живетъ открыто, даетъ балы и ужины, однимъ словомъ живетъ такъ, какъ невозможно жить на одно жалованье въ 2,400 рублей“.

„Въ числѣ разныхъ нововведеній были открыты сберегательныя кассы, но послѣдовавшимъ распоряженіемъ генераль-губернатора деньги эти рѣшено обратить на административныя нужды уѣзда. Фондъ, состоявшій приблизительно изъ 22,000 р., исчезъ совершенно и неизвѣстно куда, а въ отчетѣ объ этой суммѣ упоминается только отдѣлка дома мѣстнаго уѣзднаго начальника. Деньги выжимаются у туземцевъ во всякое время и подъ всякими предлогами. Такъ напримѣръ вполне нелегальнымъ образомъ запрещено кому бы то ни было переѣзжать Сыръ-Дарью въ какомъ бы то ни было мѣстѣ кромѣ указанныхъ, подъ угрозою ссылки въ Сибирь. А указанные мѣста находились на землѣ пріятелей уѣзднаго начальника. Когда же это дѣло слишкомъ огласилось, губернаторъ обратилъ на него вниманіе и удалилъ этого начальника изъ уѣзда, но вмѣсто всякаго взысканія онъ перевелъ его въ другую мѣстность, на томъ основаніи, что считаетъ его за весьма „полезнаго офицера“.

„Начальникъ Перовскаго уѣзда былъ смѣненъ за взятки и разнаго рода вымогательства, но переведенъ оттуда въ Ауліята, а отсюда опять удаленъ за нелегальное требованіе отъ туземцевъ денегъ, будто бы на заготовку верблюдовъ для Хивинской экспедиціи“.

„Такимъ образомъ многіе были удалены за нечестныя ихъ дѣйствія по службѣ, но ихъ немедленно назначали на другія мѣста. Съ другой стороны, если кто либо пытался извѣстить публику о настоящемъ положеніи дѣла, его немедленно постигала кара: такъ начальникъ Уратюбскаго уѣзда былъ смѣненъ и высланъ изъ округа за отправку писемъ въ Петербургъ съ заявленіемъ о томъ, что нерасположеніе къ Русскимъ и безпорядки въ Ходжентѣ возникли вслѣдствіе чрезмѣрнаго повышенія налоговъ, сравнительно съ тѣмъ, что было обѣщано Русскими вначалѣ, а не вслѣдствіе предписанія прививать туземцамъ оспу, какъ увѣряли“.

„Подобныхъ примѣровъ множество. Когда генераль-губернатору представляютъ письменныя доказательства виновности служащихъ лицъ, то онъ обыкновенно рветъ бумагу не прочитавъ ее. „Я хорошо знаю этого человѣка“, говоритъ онъ, „и такъ убѣжденъ въ его честности, что не считаю такихъ вещей возможными“.

„Бываютъ случаи не только противозаконные сами по себѣ, но и влекущіе за собою чрезвычайно важныя послѣдствія. Совершаются они не только изъ желанія личной наживы, сколько ради цѣли выказать усердіе по службѣ или въ видахъ интриги“.

„Замѣчательнѣйшій случай бывшій въ прошломъ году. Русскій поручикъ Эмманъ, имѣвшій въ своихъ рукахъ значительныя суммы казенныхъ денегъ, донесъ о похищеніи ихъ Киргизами. Ближайшіе къ мѣсту происшествія Киргизы были арестованы, и послѣ долгаго допроса нѣкоторые изъ нихъ сознались въ преступленіи, хотя деньги у нихъ не были найдены. Пока происходилъ допросъ, Эмманъ застрѣлился, оставивъ письмо, въ которомъ заявлялъ, что онъ не тотъ честный офицеръ, которымъ его считали, что онъ самъ прокутилъ казенныя деньги и сослался на Киргизовъ, чтобы выгородить себя. Киргизамъ естественно была возвращена свобода, но при этомъ возникъ вопросъ, почему же они въ этомъ случаѣ сознались. По изслѣдованіи оказалось, что офицеръ, производившій допросъ въ Вѣрномъ, баронъ Гревеницъ, вынуждалъ у нихъ сознаніе пыткой, что идетъ совершенно въ разрѣзъ съ Русскимъ законодательствомъ и дѣйствуетъ разрушительнымъ образомъ на вліяніе Русскаго элемента среди Киргизовъ“.

„Неподалеку отъ Копала былъ такой случай. Мѣстный уѣздный начальникъ, справедливо ненавидимый туземцами за свои вымогательства, однажды былъ найденъ избитымъ, израненнымъ и ограбленнымъ. Въ этомъ преступленіи обвиняли до шести или девяти Киргизовъ, и въ ихъ числѣ обвинялся Тезекъ, служащій въ чинѣ маіора въ Русской арміи, личность исполнѣ уважаемая Киргизскими старшинами“.

„При открытіи Хивинской экспедиціи, понадобилось 14,000 верблюдовъ, т. е. 14⁰ о всего количества верблюдовъ имѣвшихся въ округѣ, и было условлено, что за каждого павшаго верблюда правительство уплатитъ 50 р. Каждый уѣздъ обязался выставить соотвѣтствующее количество верблюдовъ“.

„Трудности экспедиціи были такъ велики, что почти всѣ верблюды пали, слѣдовательно правительству слѣдовало выплатить 700,000 рублей. Одинъ изъ уѣздныхъ начальниковъ, полагая, что представился какъ разъ подходящій случай доказать свое усердіе администраціи, а также и усердіе со стороны уѣзда, заявилъ подвластному своему населенію, что правительство никогда имъ не заплатитъ за верблюдовъ, и что было бы гораздо лучше подарить ихъ. Онъ столько потратилъ на это краснорѣчія, что туземцы согласились. Примѣру этого начальника послѣдовали другіе, въ большей части уѣздовъ, а въ результатъ оказалось у туземцевъ убѣжденіе, что правительство просто украло у нихъ верблюдовъ и если бы со временемъ потребовалось на другую экспедицію еще верблюдовъ, то можно ожидать весьма сильное неудовольствіе“.

Сдѣлавъ дословныя выписки изъ депеши мистера Скайлера, напечатанной М. Г. Черняевымъ въ № 28 „Русскаго Мира“, касавшіяся преимущественно критики внутренняго управленія Туркестанскаго края въ 70 годахъ прошлаго столѣтія, перейдемъ ко второй части его депеши, появившейся на страницахъ той же газеты (№ 31), въ которой изложены преимущественно военныя событія того времени въ краѣ. Къ этой депешѣ, за подписью редакціи, т. е. лично М. Г. Черяева,

присоединены длинныя и весьма интересныя примѣчанія, подробно и въ качествѣ, разумѣется, лица компетентнаго, комментируюція изложеніе Американскаго военнаго агента.

„Въ 1869 г. Хивинцы взбунтовали Киргизовъ“, пишетъ мистеръ Скайлеръ въ № 31 Русскаго Міра *). „Русскіе порѣшили, что такому положенію дѣла надобно положить конецъ. Однако нѣсколько лѣтъ прошло въ переговорахъ съ ханомъ о возвращеніи Русскихъ плѣнныхъ, въ небольшихъ экспедиціяхъ и рекогносцировкахъ степей со стороны Каспійскаго моря, отъ устья Сыръ-Дарьи, на Сѣверъ отъ Бухары и до Кизилкушской степи. Полагали, что осенью полковникъ Маркозовъ, командовавшій экспедиціей, которая отправилась отъ Красноводска до Каспійскаго моря, дойдетъ до Хивы и вѣроятно овладѣетъ ею; но онъ по неосторожности потерялъ много верблюдовъ и вернулся съ полъ-пути. Тогда рѣшено было снарядить полную экспедицію противъ хана. Генералъ Кауфманъ предположилъ сначала организовать два отряда или двѣ экспедиціи: одна изъ Кавказскихъ войскъ вышла бы изъ Красноводска прямо на Хиву, другая подъ его личнымъ начальствомъ направилась бы на Хиву изъ Ташкента, и обѣ экспедиціи сошлись бы въ Хивѣ“.

„Генералъ Крыжановскій, бывшій въ то время въ Петербургѣ, разъяснилъ правительству всю опасность такого плана. Онъ увѣрялъ, что если еще одна экспедиція не выйдетъ изъ Оренбурга, то Киргизская степь будетъ открыта, и Хивинцы, при содѣйствіи друзей своихъ Туркменовъ, кинутся на большой торговый трактъ ведущій къ Ташкенту и займутъ даже Уралъ и Оренбургскую

*) Почтенный авторъ, какъ видно, не имѣлъ возможности ознакомиться съ настоящими причинами Киргизскаго бунта 1869 г. Не Хивинцы взбунтовали Киргизъ, ихъ взбунтовало введеніе новаго положенія, составленнаго подъ руководствомъ военнаго министерства, либеральныя и гуманныя стремленія котораго постигали всегда неудачи. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Въмѣсто признательности со стороны населенія за введеніе гуманнаго и либеральнаго положенія, населеніе отвѣтило ему бунтомъ. Когда для усмиренія его были посланы казачьи отряды, то застигнутые Киргизы сваливали вину на отдаленныхъ Хивинцевъ, а чиновники охотно принимали эти оправданія, чтобы прикрыть ошибки своего начальства. Такимъ образомъ составилось мнѣніе о подстрекательствѣ Хивинцевъ въ Петербургѣ, тогда какъ имъ вовсе не до вѣшнихъ предпріятій, такъ какъ они у себя дома едва отбиваются отъ Туркменъ. Нельзя при этомъ не упомянуть о слѣдующемъ фактѣ: пока у насъ мирно въ степяхъ, спокойно, то и сосѣди наши спокойны; какъ только мы возбудимъ неудовольствіе нашихъ Киргизовъ, то непременно виноватыми оказываются кто либо изъ сосѣдей. Мы вовсе не думаемъ высказываться противъ занятія Хивы, которая намъ давно необходима, хотя не можемъ согласиться, чтобы для покоренія ея нужно было двигать войска съ трехъ концовъ Россіи, тратить милліоны и выбирать изъ всѣхъ существующихъ путей самые непроходимые. Объясняя причины Киргизскаго бунта, мы хотѣли только указать на настоящую причину этого грустнаго дѣла, съ которымъ будемъ имѣть случай познакомить нашихъ читателей подробно. Ред. (Русскаго Міра).

губернію¹⁾. Генераль Кауфманъ противъ воли согласился выслать Оренбургскія войска, подъ начальствомъ генерала Веревкина, къ Западному берегу Аральскаго моря и отправилъ еще отрядъ изъ Казалинска для встрѣчи его собственной экспедиціи на Аму-Дарьѣ. Такъ какъ надѣялись, что всѣ эти экспедиціи сойдутся въ одно время подъ Хивой, то и предполагали, что генералу Кауфману легко будетъ овладѣть ею“.

„Затѣмъ послѣдовали нѣкоторыя перемѣны въ распоряженіяхъ; за недостаткомъ верблюдовъ Каспійская экспедиція была раздѣлена на два отряда: одинъ подъ командою полковника Ломакина выступилъ изъ Александровскаго форта; другой, подъ начальствомъ полковника Маркозова, изъ Чикишлара, близь устья Атрека“.

„Экспедиція Маркозова, благодаря поспѣшности, съ какою онъ шелъ, желая придти первымъ и взять Хиву до прибытія другихъ экспедицій, совершенно не удалась²⁾, такъ какъ отрядъ страдалъ невыносимо отъ недостатка воды и отъ жары. Полковникъ Маркозовъ принужденъ былъ вернуться, зарывъ свою пушку въ песокъ и побросавъ ружья, которыя были ему потомъ принесены Киргизами“.

„Экспедиція Маркозова однако оказала нѣкоторую услугу, уже тѣмъ самымъ, что задержала Туркменъ³⁾. Экспедиція, вышедшая изъ Казалинска, съ которой отправился великій князь Николай Константиновичъ, спѣшила пристать къ экспедиціи генерала Кауфмана, но видя, что послѣдній подвигается не такъ скоро, какъ ожидалось, повернула влѣво и встрѣтила Кауфмана подъ Аригтавъ-бель-Кудукомъ“.

„Экспедиція генерала Кауфмана вышла изъ Джизака 26 Марта, встрѣтила неблагоприятную погоду и когда около 1-го Мая пришла въ Калату, то оставилась недѣли на двѣ собраться съ силами. Затѣмъ она пошла на Аму-Дарью, къ Учъ-Угачу, черезъ пустыню совершенно ей неизвѣстную. Переходъ этотъ около тысячи миль представлялъ трудности выше всякаго описанія. Палящій зной и жажда томили войска, всѣ почти верблюды пали, офицеры и солдаты побросали въ степи большую часть своего багажа и лагерныхъ принадлежностей. Генераль Кауфманъ доходилъ до отчаянія, и было время, что онъ ожидалъ гибели всей своей экспедиціи среди песковъ. Когда она добралась до Аму-Дарьи, дѣла ея пошли лучше; отсюда войска направились правымъ берегомъ

¹⁾ Мы никакъ не можемъ раздѣлить такихъ оригинальныхъ стратегическихъ соображеній генерала Крыжановскаго, если дѣйствительно они были высказаны, и изъ уваженія къ нему не считаемъ удобнымъ возражать на нихъ. (Ред. Русскаго Мира).

²⁾ Эта скачка съ препятствіями лучше всего доказываетъ сознаніе самихъ участниковъ, что не было никакой необходимости сосредоточивать то количество войскъ, которое было назначено для овладѣнія ничтожной Хивой. (Ред. Русскаго Мира).

³⁾ Не можемъ согласиться съ этимъ заключеніемъ. Такая неудача ни въ какомъ случаѣ не могла быть полезною даже и тогда, если бы овладѣніе Хивою требовало съ этой стороны диверсій. (Ред. Русскаго Мира).

до Шурукана, имѣли двѣ небольшія стычки съ Туркменами, отразили ихъ, перешли черезъ рѣку, взяли Газарашъ, другія мѣстечки, и успѣхъ былъ обезпеченъ. Тѣмъ временемъ экспедиція генерала Веревкина подвигалась, почти безъ всякаго затрудненія, западнымъ берегомъ Аральскаго моря къ Кунграду. Здѣсь къ ней присоединился отрядъ подъ начальствомъ полковника Ломакина. Соединенные отряды отразили нѣсколько мелкихъ нападеній со стороны Туркменъ и подошли къ самой Хивѣ, не имѣя никакихъ извѣстій о генералѣ Кауфманѣ; а такъ какъ городъ открылъ сильный огонь, то генераль Верекинъ и взялъ приступомъ ворота“.

„Ханъ между прочимъ отправилъ гонцовъ на встрѣчу генералу Кауфману, съ извѣщеніемъ о намѣреніи сдачи ему города. Тогда установилось сообщеніе между генераломъ Кауфманомъ и Верекинымъ, и послѣдній получилъ предписаніе прекратить огонь, потому что городъ намѣренъ сдаться. Генераль Верекинъ исполнилъ приказаніе, но такъ какъ огонь со стороны города не прекращался, то горсть людей взяла приступомъ и цитадель. Едва только они успѣли это сдѣлать, какъ пронеслась вѣсть, что генераль Кауфманъ уже вступаетъ въ капитулировавшій городъ черезъ другую заставу. Самъ ханъ успѣлъ бѣжать, и братъ его, извлеченный изъ тюрьмы, сдѣлался ханомъ. Къ хану немедленно были отправлены послы; онъ вернулся возстановленный въ своихъ правахъ, но съ условіемъ подчиненія совѣту или дивану изъ $\frac{2}{3}$ Русскихъ“.

„Результатъ Хивинской экспедиціи по истинѣ любопытенъ, такъ какъ имъ ясно доказано, что войска изъ Ташкента и съ Каспійскаго моря двинуты почти напрасно. На встрѣчу генералу Кауфману черезъ Аму-Дарью не тронулся ни одинъ отрядъ: до такой степени всѣ были убѣждены, что генераль погибъ въ пескахъ со своимъ войскомъ. Единственное сопротивленіе, въ извѣстной степени сильное, встрѣтилъ генераль Верекинъ, противъ котораго была выслана вся Хивинская армія, за исключеніемъ небольшого отряда, охранявшаго переправу черезъ Аму-Дарью подъ Шуруканомъ“.

„Вышло такъ, что Оренбургская экспедиція, высланная единственно въ видахъ огражденія степи отъ набѣга Туркменъ, одна только нашла самую лучшую дорогу, на которой почти не встрѣтила препятствій, отразила неприятельское нападеніе, прибыла благополучно и овладѣла городомъ. Если-бы въ свое время принять былъ совѣтъ Оренбургскаго генераль-губернатора*),

*) Можно утвердительно сказать, что не одинъ генераль-губернаторъ Оренбургскій сознавалъ всю безполезность сосредоточивать столько войска противъ Хивы. Мы уже довольно ознакомились съ Азіатцами, чтобы знать имъ настоящую цѣну. Дѣло въ томъ, что каждое изъ трехъ сосѣднихъ вѣдомствъ желало оставить за собою славу взятія Хивы и такъ было увѣрено въ успѣхъ этого нетруднаго военнаго предпріятія, что всѣ стремленія заключались въ томъ, чтобы обогнать другъ друга. То что случилось подъ Хивой, лучше всего подтверждаетъ справедливость нами сказаннаго: въ то время когда городъ сдается одному генералу, другой спѣшитъ съ противоположнаго конца, зрѣлище

то не было бы надобности ни въ какой другой экспедиціи, и Хива была бы взята безъ труда, безъ шума, безъ всякихъ дипломатическихъ непріятностей, какія затѣмъ послѣдовали“.

Контрибуція въ 2,200,000 р. была наложена на хана съ разсрочкою на 20 лѣтъ. Хива понесла должное наказаніе, слѣдовательно цѣль экспедиціи была достигнута и, согласно обѣщанію, данному Англіи, Русскія войска должны были удалиться“.

„Контрибуція наложена была и на Туркменъ въ видѣ кары за оказанное противодѣйствіе. Можетъ быть, было бы разумнѣе обойти фактъ молчаніемъ, потому что Туркмены, будучи номинально подданными хана, состояли у него на службѣ и естественно должны были выступить противъ Оренбургской экспедиціи. Когда же они понесли пораженіе, то не далѣе какъ черезъ мѣсяцъ были съ Русскими въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ, и небольшія экспедиціи, отправляемыя съ политическими и иными цѣлями, проводили дни и ночи въ Туркменскихъ лагеряхъ, пользуясь совершенной безопасностью. По словамъ офицеровъ Оренбургскаго отряда, составившихъ себѣ о Туркменахъ весьма выгодное мнѣніе, они стали бы соблюдать въ точности всѣ условія заключеннаго мира; но надобно же было дать какую нибудь роль и Ташкентскому отряду, чтобы и на его долю выпала часть наградъ и почестей за подвигъ, вся слава котораго приписывалась единственно Оренбургско-Кавказской экспедиціи“.

„Поэтому, наложивъ контрибуцію на Туркменъ, генераль Кауфманъ призвалъ къ себѣ старѣйшинъ Юмудскаго племени и объявилъ, чтобы въ двѣ недѣли была уплачена часть этой суммы, а остальное уплатится въ разсрочку: въ видѣ же обезпеченія, что въ указанный срокъ будетъ внесенъ ими первый взносъ, генераль оставилъ у себя нѣсколькихъ заложниковъ. Но вмѣсто того, чтобы дождаться истеченія означенныхъ двухъ недѣль, онъ вслѣдъ за тѣмъ выслалъ отрядъ подъ командою генерала Головачева, чтобы обезпечить за собою первую уплату. Генераль Головачевъ тотчасъ же напалъ на Туркменскія селенія и лагерь, сжегъ ихъ дома, уничтожилъ запасы, однимъ словомъ, произвелъ совершенное опустошеніе среди Туркменъ.

Туркмены естественно озлобились на такую продѣлку и жаловались Оренбургскимъ отрядамъ, которыхъ встрѣчали на обратномъ пути ихъ. Они говорили, что если-бы не генераль Кауфманъ, съ которымъ они теперь состоятъ въ дружбѣ, то они непременно напали бы на отрядъ Головачева и его отрядъ перерѣзали бы *).

не только на войнѣ, но и во всякомъ другомъ случаѣ по истинѣ рѣдкое—брать силою то, что вамъ даютъ добровольно. Хивинская экспедиція, съ военной точки зрѣнія, не имѣетъ никакого серьезнаго значенія и можетъ только служить новымъ доказательствомъ неоцѣненныхъ свойствъ Русскаго солдата. (Ред. Русскаго Мира).

*) Авторъ, обвиняя генерала Головачева, очевидно не имѣлъ документовъ по этому печальному дѣлу, поставившему Туркменъ съ перваго прикосновенія въ непримиримо-враждебныя къ намъ отношенія. Генераль Головачевъ дѣйствовалъ не по собственному

„Наконецъ подъ Улліали Туркмены дѣйствительно напали на лагерь генерала Головачева и привели его въ сильную тревогу, но Русскіе одержали верхъ, и Туркмены отступили. Послѣ этого Юмуды, покинувъ мѣстность, ушли въ степь, разумѣется раздраженные, готовые вредить Русскимъ при первомъ удобномъ случаѣ и вовсе не намѣреваясь соблюдать миръ, что тамъ бы ни было подписано“.

„Нападеніе на Туркменъ по словамъ генерала Крыжановскаго (Оренбургскаго генераль-губернатора) было произведено далеко некстати и должно серьезно отозваться для насъ въ будущемъ. „Мы этимъ самымъ приготовили себѣ на много лѣтъ впередъ, говорилъ онъ, постоянныя экспедиціи противъ Туркменъ. Это будетъ для насъ вторымъ Кавказомъ, и въ концѣ концовъ мы будемъ вынуждены завоевать Мервъ, что немедленно усложнитъ наши отношенія съ Англіей“.

Этимъ мы заканчиваемъ наши многочисленныя выписки изъ статьи Американскаго военнаго агента съ примѣчаніями къ нимъ редакціи Русскаго Мира, т. е. М. Г. Черняева. И то и другое, разумѣется, не могло пройти незамѣченнымъ, не могло не обратить на себя общественнаго вниманія, привлеченнаго въ то время къ только что присоединенному къ Россіи краю. Прочтена была депеша Скайлера на страницахъ Русскаго Мира и Туркестанскимъ генераль-губернаторомъ К. П. Кауфманомъ, бывшимъ въ то время въ Петербургѣ, гдѣ онъ провелъ зиму, оставивъ въ Ташкентѣ своимъ замѣстителемъ генераль-лейтенанта Колпаковскаго.

Въ № 25 Туркестанскихъ Вѣдомостей (1875 г. 24 Іюня) напечатанъ слѣдующій приказъ генераль-адъютанта Кауфмана. „Гор. Каза-

усмотрѣнію, а исполнялъ предписанія генераль-адъютанта Кауфмана отъ 6-го Іюля 1873 г. за № 1167, въ которомъ сказано: *если ваше превосходительство усмотрите, что Юмуды не занимаются сборомъ денегъ, а собираются съ цѣлью дать войскамъ отпоръ, а можетъ быть и откочевать, то я предлагаю вамъ тотчасъ же двинуться въ кочевья Юмудовъ, расположенныя по Казаватскому арыку и его разветвленіямъ и предать эти кочевья Юмудовъ и семьи ихъ полному и совершенному разоренію и истребленію, а имущества ихъ, стада и прочее конфискованію* (Курсивъ Русскаго Мира). Эта жестокость, надолго вырывшая пропасть между нами и Туркменами, тѣмъ прискорбнѣе, что не оправдывалась даже необходимостью, заставляющею иногда слабѣйшаго прибѣгать къ безчеловѣчнымъ мѣрамъ противъ сильнаго для собственного спасенія. Мы были гораздо сильнѣе туземцевъ и всѣмъ обезпечены. Все дѣло состояло въ полученіи отъ Юмудовъ въ краткій срокъ сначала 100 т. рубл., а потомъ 200 т. рубл., всего 300 т. рубл. въ теченіи 15 дней. Мы полагаемъ, что если бы Туркмены и желали повиноваться, то едва-ли они имѣли возможность исполнить требованіе генерала Кауфмина въ такой короткій срокъ. Богатство кочевниковъ не въ деньгахъ, а въ стадахъ. (Ред. „Русскаго Мира“).

линскъ¹⁾. Прибывъ 22-го сего Мая въ высочайше мнѣ ввѣренное генераль-губернаторство, я вступилъ въ непосредственное управленіе Туркестанскимъ краемъ“, а 27-го Іюня, то есть около мѣсяца спустя, генераль Головачевъ, губернаторъ Сыръ-Дарьинской области, жившій въ Ташкентѣ, гдѣ находился въ то время и его непосредственный начальникъ, только что пріѣхавшій, подписываетъ и отправляетъ въ Варшаву къ мѣсту фиктивного служенія Михаила Григорьевича Черняева слѣдующую бумагу, ложно, какъ мы это увидимъ далѣе, приписывая свое дѣйствіе требованію Оренбургской Контрольной Палаты:

„Туркестанскій Военный Округъ. Штабъ войскъ Сыръ-Дарьинской области. Отдѣл. хоз. 27 Іюня 1875 г. № 583 (751) г. Ташкентъ. Начальнику штаба войскъ Варшавскаго военнаго округа“.

„Оренбургская Контрольная Палата, ревизуя отчетность въ деньгахъ бывше отпущенныхъ въ 1864 и 1865 г.г. на экспедиціонныя надобности для войскъ Туркестанской области, нашла, что въ остаточную сумму къ 1866 году числится долга за г. м. Черняевымъ 3,931 р. $\frac{1}{4}$ коп. посему она Палата *проситъ распоряженія моего* ²⁾ о пополненіи этого долга. По справкѣ въ дѣлахъ Штаба войскъ бывшей Туркестанской области оказывается, что по долговой вѣдомости Штаба къ 11 Апрѣля 1866 г. числилось долга за г. м. Черняевымъ 7,163 р. $\frac{3}{4}$ коп. На пополненіе этого долга поступило: 1) Согласно предписанію военнаго губернатора области отъ 29 Декабря 1866 г. за № 7874, причитавшихся г. м. Черняеву въ квартирное довольствіе, съ 1-го Апрѣля 1865 г. по 1-е Января 1866 г. 642 р. $84\frac{3}{4}$ коп. 2) По предписанію его же, отъ 22 Января 1867 г. за № 816, причитавшихся г. м. Черняеву натуральныхъ и денежныхъ раціоновъ за Іюль мѣсяць 1865 г.—131 р. 47 к.

3) По предписанію его-же отъ 22 Февраля за № 1904. слѣдовавшіе съ 1-го Января по 1-е Мая 1864 г. на отопленіе и освѣщеніе—120 р.

4) Зачтенныя ликвидаціонною комиссіею полковника Быкова,

а) деньги того же наименованія, какъ въ 3-мъ пунктѣ, слѣдовавшія за Сентябрь мѣсяць 1865 г. 13 р. $47\frac{1}{2}$ к., б) содержаніе за Сентябрьскую треть 1865 г.—1161 р. 80 к., в) по требовательной вѣдомости подъ литерой Г., чинамъ военно-народнаго управленія за 1866 г.—666 р. $66\frac{1}{4}$ к. г) По требовательной вѣдомости Штаба за № 1870 отъ 1865 г. 495 р. 66 коп.“

„Всего поступило въ разное время на пополненіе долга 3,231 р. $91\frac{1}{2}$ к. Затѣмъ остается еще неуплаченными 3,931 р. $9\frac{1}{4}$ коп.“

¹⁾ Казалинскъ отстоитъ отъ Ташкента 814 верстъ, а потому генераль Кауфманъ прибылъ въ послѣдній вѣроятно въ первыхъ числахъ Іюня. А. Ч.

²⁾ Контрольная Палата, какъ оказывается изъ отношенія въ канцелярію Госуд. Контроля № 1819 отъ 3-го Іюня 1878 г., не обращалась въ 1875 г. съ требованіемъ къ генералу Головачеву, а въ 1872 г. препроводила дѣла въ Интендантство, а это послѣднее послало все дѣло 14-го Авг. 1872 г. Туркестанскому генераль-губернатору, Кауфману. А. Ч.

„Сообщая объ этомъ вашему сіятельству, я имѣю честь просить предложить г. м. Черняеву указать: не поступали ли отъ него, а если поступали, то когда и куда именно, деньги на пополненіе сказаннаго долга, а въ противномъ случаѣ просить его о пополненіи долга 3,931 р. 9¼ к. При этомъ при-
соединяю, что деньги на пополненіе долга должны быть сданы въ доходъ
главнаго интендантскаго управленія смѣты § 7, ст. 3. О послѣдующемъ имѣю
честь просить ваше сіятельство сообщить мнѣ съ приложеніемъ квитанціи въ
сдачѣ денегъ, если таковыя по ходу дѣла окажется необходимымъ сдать“.

„Подлинное подписалъ командующій войсками генераль-лейтенантъ Голо-
вачевъ, скрѣпилъ начальникъ штаба, генеральнаго штаба полковникъ Фериде“.

Мы оставляемъ на разсмотрѣніе читателей разрѣшить вопросъ,
возможно ли допустить предположеніе, что генераль Головачевъ, правая
рука генерала Кауфмана, могъ въ этомъ случаѣ дѣйствовать помимо
и безъ вѣдома своего начальства, поднимая такое дѣло противъ поко-
рителя Ташкента, обратившее на себя разумѣется вниманіе не только
на мѣстѣ въ Туркестанскомъ краѣ, но и въ Петербургѣ*).

Варшавская администрація вѣроятно или совсѣмъ не обратила
вниманія на требованіе Туркестанской или дѣйствовала слишкомъ для
нея медленно, и потому изъ Туркестанскаго военного округа исходить
новая бумага по начету, но направляется она уже къ С.-Петербург-
скому градоначальнику.

„Туркестанскій военный округъ. Штабъ войскъ Сыръ-Дарьинской области
отдѣл. хозяйственное. 19 Ноября 1875 г. № 10184—1804. Г. Ташкентъ“.

„Прилагая при семъ отношеніе командующаго войсками области отъ
27 Іюня за № 5851 (то есть помѣщенное выше), имѣю честь просить ваше
превосходительство предложить отставному генераль-маіору Черняеву, прожи-
вающему по Большой Морской, въ домѣ Жако, доставить объясненіе на изло-
женное въ № 5851 или квитанцію въ сдачѣ денегъ. О послѣдующемъ имѣю
честь сообщить. Подписалъ временно командующій войсками, полковникъ Чемер-
зинъ и скрѣпилъ за отсутствіемъ начальника штаба, завѣдывающій дѣлами
оного старшій адъютантъ поручикъ Н.“

Получена была эта бумага въ Петербургѣ, какъ помѣчено то въ
дѣлѣ Контрольной Оренбургской Палаты, 15 Дек. 1875 г.. и вскорѣ
послѣ этого Петербургская полиція и пришла взыскивать деньги съ

*) Замѣтимъ при этомъ, что уже въ 1872 г. расходъ по Туркестанскому краю
доходилъ до 7,528,627 р., давая дефицитъ государству въ 5,507,341 р. (смотри № 28
Русск. Мира за 1875 г.). Замѣтимъ еще, что 15 Іюня, то есть за нѣсколько дней до
посылки генерала Головачевымъ въ Варшаву требованія о взысканіи съ М. Г. Черняева
3,931 р. 9¼ к. потраченныхъ имъ на завоеваніе края, генераль Кауфманъ утвердилъ
временный штатъ ярмарочнаго комитета въ 8,200 р. (Смотри № 28 Турк. Вѣдом. за
1875 г.) А. Ч.

Михаила Григорьевича въ редакцію Русскаго Мира, о чемъ опъ упоминаетъ въ своей замѣткѣ, помѣщенной въ началѣ нашей статьи.

По предложенію О. О. Трепова, чтобы выиграть время, Михаиломъ Григорьевичемъ тогда и было написано письмо, тоже находящееся въ сего замѣткѣ, приведенное нами и помѣченное 21 Январемъ 1876 г. Письмо это, какъ значится въ дѣлѣ Контрольной Палаты, принято было *околоточнымъ надзирателемъ Ореховымъ*.

Начальствующіе Туркестана не оставляли дѣла взысканія съ Михаила Григорьевича даже и тогда, когда ихъ вниманіе должно было сосредоточиться на предпринятомъ въ то время походѣ противъ Кокана. Въ вознагражденіе за участіе въ этомъ походѣ, поздней осенью 1875 г., генералъ Головачевъ былъ представленъ генераломъ Кауфманомъ къ ордену Вѣлаго Орла, а въ Декабрѣ мѣсяцѣ онъ снова сдалъ управленіе края генералу Колпаковскому и уѣхалъ въ Петербургъ.

Несмотря на негодующее, краснорѣчивое письмо Михаила Григорьевича отъ 21 Января 1876 г., никто въ Ташкентѣ не обратилъ на него никакого вниманія. Съ М. Г., числившагося въ то время по Генеральному Штабу и получавшему 1961 р. 40 к. и добавочныхъ по 200 р. въ годъ, начали производиться вычеты по взысканію, и только по истеченіи двухъ лѣтъ генералъ Кауфманъ рѣшается обратиться къ военному министру съ слѣдующимъ рапортомъ:

„Туркестанскій военный округъ. Окружной Штабъ. Отд. Хозяйств. 30 Янв. 1878 г. № 802. г. Ташкентъ. О сложеніи съ отставнаго генераль-маіора Чернышева долга въ 3,931 р. 9¹/₄ коп. Оренбургская Контрольная Палата, ревизуя отчетность въ деньгахъ, отпущенныхъ въ 1864—1865 годахъ на экспедиціонныя надобности для войскъ Туркестанской области, нашла, что въ остаточной суммѣ къ 1866 г. числится долгу за генераль-маіоромъ Черняевымъ 3,931 р. 9¹/₄ коп. и потому проситъ распоряженія*) о исполненіи этого долга. По справкѣ въ дѣлахъ Штаба войскъ, бывшей Туркестанской области, оказывается, что по долговой вѣдомости Штаба къ 11 Апрѣля 1866 г. числилось за генераль-маіоромъ Черняевымъ 7,163 р. 3³/₄ коп., на пополненіе которыхъ поступило въ разное время 3,231 р. 91¹/₂ коп. и затѣмъ остается еще неуплаченныхъ 3,931 р. 9¹/₄ коп. Въ виду этого командующій войсками Сыръ-Дарьинской области 27 Іюня 1875 г. за № 5851 просилъ начальника Штаба Варшавскаго

*) Здѣсь вторично сваливается инициаторство этого дѣла съ большой головы на здоровую при подписи генерала Кауфмана. Оренбургская Контрольная Палата отослала это дѣло въ Оренбургское Интенданство 20-го Мая 1872 г. за № 1300, которое въ свою очередь препроводило его 14-го Авг. 1872 г. за № 10872 Туркестанскому генералъ-губернатору Кауфману, и съ тѣхъ поръ требованій о пополненіи начета не предъявляла, что и усматривается въ помѣщаемомъ ниже отношеніи Оренб. Казенной Палаты въ канцелярію Госуд. Контроля отъ 3 Іюня 1878 г. А. Ч.

военнаго округа потребовать отъ генераль-маіора Черняева указанія, не поступало ли отъ него денегъ на пополненіе означеннаго долга и въ утвердительномъ случаѣ съ присовокупленіемъ, когда и куда именно сданы, а въ противномъ случаѣ предложить ему пополнить означенный долгъ. На означенное требованіе генераль-маіоръ Черняевъ, въ надписи при семъ представляемой, отозвался, что такъ какъ со времени оставленія имъ Туркестанскаго края прошло уже десять лѣтъ, то онъ не можетъ ничего припомнить, какъ въ отношеніи образованія этого долга, такъ и относительно его погашенія⁴.

„Представляя при семъ переписку по означенному предмету, я, въ виду того, что начетъ Контроля послѣдовалъ спустя почти десять лѣтъ и по закрытіи ликвидационной комиссіи, приводившей въ ясность финансовыя обороты Туркестанской области за время генераль-маіора Черняева, имѣю честь просить вашего ходатайства о сложеніи съ него означеннаго начета. Подлинный подписалъ командующій войсками генераль-адъютантъ Фонъ Кауфманъ I-ый. Скрѣпилъ и. д. Начальника Штаба, Генеральнаго Штаба генераль-маіоръ Мозель.

„Съ подлиннымъ вѣрно: И. д. помощника ревизора Поповъ“.

Въ теченіи цѣлыхъ двухъ лѣтъ генераль Кауфманъ оставлялъ безъ всякаго вниманія письмо Михаила Григорьевича, и вышеприведенный рапортъ былъ имъ написанъ очевидно подъ давленіемъ словъ Государя Александра III-го, бывшаго тогда Наслѣдникомъ, сказавшаго начальнику главнаго штаба графу Гейдену: „оставьте эту мерзость противъ Черняева“.

Въ рапортѣ своемъ генераль Кауфманъ ссылается, какъ и генераль Головачевъ, на требованіе Оренбургской Контрольной Палаты о пополненіи, числящагося за Михаиломъ Григорьевичемъ долга, которая по словамъ обоихъ генераловъ „просила распоряженія о пополненіи этого долга“.

На основаніи этихъ словъ и главнымъ образомъ на энергіи, проявленной Ташкентской администраціей, обратившейся даже къ полицейскому воздѣйствію, можно было бы предположить, что Оренбургская Контрольная Палата только что предъявила настойчивое требованіе о пополненіи этого долга, тогда какъ все это злополучное дѣло было препровождено Оренбургскимъ интенданствомъ Туркестанскому генераль-губернатору Кауфману 14 Августа 1872 г., то есть за три года до взысканія съ М. Г. Черняева и съ тѣхъ поръ имъ не затрогивалось. Когда же возникло дѣло о сложеніи начета, управляющій этой Палаты, Листовскій засвидѣтельствовалъ, что Контрольная Палата не только не рѣшается настаивать на пополненіе долга, но считаетъ, въ виду заслугъ Михаила Григорьевича, вполне справедливымъ взятіе его на счетъ казны¹⁾. Прося о сложеніи начета, генераль Кауфманъ

¹⁾ Смотри ниже отношеніе Листовскаго.

мотивируетъ свое ходатайство тѣмъ, что начеть контроля послѣдовалъ спустя почти десять лѣтъ и по закрытіи ликвидаціонной комиссіи.

Послѣ сего завязывается по этому дѣлу переписка между Туркестанскимъ военнымъ округомъ, Военнымъ Министерствомъ, Государственнымъ Контролемъ и Оренбургской Контрольной Палатой, получившей наконецъ изъ окружного штаба Туркестанскаго военного округа 19 Сент. 1878 г. за № 8254 увѣдомленіе о сложеніи начета съ генераль-маіора Черняева.

Но Военный Совѣтъ, обсуждая это дѣло, мотивировалъ сложеніе начета *не давностью и закрытіемъ ликвидаціонной комиссіи, а „услугами оказанными генераль-маіоромъ Черняевымъ при завоеваніи города Ташкента“* *). Управляющій же Оренбургской Контрольной Палаты, Листовскій въ своемъ отношеніи въ канцелярію Государственнаго Контроля отъ 3-го Іюня 1878 г. за № 1819, тономъ полнымъ укоризны къ возникновенію этого дѣла, освѣщаетъ его въ совершенно неожиданномъ для Ташкентской администраціи свѣтъ.

„На отношеніе канцеляріи (пишетъ онъ) отъ 11 Марта сего года за № 1905 по вопросу о начетѣ на генераль-маіора Черняева, Контрольная Палата, съ возвращеніемъ приложеній, имѣетъ честь увѣдомить. Первоначальный долгъ генераль-маіора Черняева въ казну, образовавшійся во время степной экспедиціи 1864—1866 гг., считался въ 7163 р. $\frac{3}{4}$, к., въ числѣ коихъ заключались не однѣ суммы, позаймствованныя Черняевымъ для себя, но и высланные по его лишь распоряженію за другихъ лицъ, или же не дозаписанныхъ въ книгахъ и т. п.“

„За зачетомъ же въ отношеніе означенной суммы слѣдовавшихъ г. Черняеву разныхъ полученій окончательный долгъ его казнѣ опредѣлился въ 3931 р. $\frac{9}{4}$ коп. Сія послѣдняя сумма была опредѣлена особою комиссіею подъ предсѣдательствомъ полковника Быкова, высочайше утвержденною для приведенія въ ясность денежныхъ оборотовъ по Туркестанской области за время завоеванія этого края генераломъ Черняевымъ“.

„Составленный означенною Комиссіею за 1864—1866 годы отчетъ съ приложеніями и пояснительными записками изъ окружного штаба Оренбургскаго военного округа переданъ былъ въ 1868 г. въ мѣстное окружное интенданство, а изъ сего послѣдняго въ Контрольную Палату“.

„Усмотрѣвъ изъ сихъ документовъ, что на разныхъ воинскихъ частяхъ и лицахъ (въ томъ числѣ и на генераль-маіора Черняева) числится долговъ, слѣдующихъ къ поступленію въ суммы военного вѣдомства, до 77831 р. $\frac{90}{4}$ коп., Контрольная Палата копію съ составленной комиссіею вѣдомости о сихъ дѣлахъ передала при отношеніи 20 Мая 1872 г. за № 1300 въ Оренбургское Интендантское Управленіе для соотвѣтственнаго распоряженія о пополненіи сихъ суммъ.

*) Смотри отзывъ Главнаго Штаба отъ 19 Августа 1879 г. за № 273.

Вслѣдствіе сего Интендантство, имѣя въ виду, что лица, на коихъ числятся долги, служатъ въ Туркестанскомъ военномъ округѣ, *14-го Августа 1872 г. за № 10187, препроводило сію переписку къ Туркестанскому генералъ-губернатору, а сей послѣдній, какъ можно предполагать, передалъ въ штабъ Сыръ-Дарьинской области, отъ коего и послѣдовало отношеніе начальнику штаба войскъ Варшавскаго военнаго округа отъ 27 Іюня 1875 г. за № 5851, на которое данъ отзывъ генераломъ-майоромъ Черняевымъ 21 Января 1876 г. *)*

„Такимъ образомъ по ходу настоящей переписки нельзя согласиться съ заявленіемъ генералъ-адъютанта фонъ Кауфмана, въ рапортѣ его г. военному министру за № 802, что начетъ контроля послѣдовалъ спустя почти десять лѣтъ, а слѣдовательно и примѣнить къ сему случаю статью 369 общ. счет. уст. о давности, освобождающей отчетныя лица отъ отвѣтственности, было бы неправильно. Равнымъ образомъ не усматривается и другихъ законныхъ основаній къ сложенію сего начета“.

Но, приходя къ такому заключенію, Палата не можетъ не остановить вниманія на тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ были сдѣланы генераломъ Черняевымъ означенныя выше позаймствованія и которыя *весьма ясно* изображены въ запискѣ къ отчету за 1864 г. и 1865 года упомянутой Коммиссіи. Онѣ заключаются въ главныхъ чертахъ въ слѣдующемъ. Для соединенія бывшей Сыръ-Дарьинской линіи съ Западною Сибирью предположено было въ 1864 г., чтобы генералъ-Черняевъ (отъ Вѣрнаго) перешелъ рѣку Чу и овладѣлъ Коканскимъ укрѣпленіемъ Ауліата. Этотъ планъ и служилъ основаніемъ къ опредѣленію количества войскъ и потребныхъ на военную экспедицію расходовъ. Между тѣмъ Черняевымъ кромѣ сего укрѣпленія взяты были: г. Чимкентъ, укрѣпленіе Ниязбекъ, Чиназъ, г. Ташкентъ и другія мѣстности. Такимъ образомъ покоренъ былъ обширный край, что очевидно должно было потребовать непредвидѣнныя при первоначальныхъ смѣтныхъ предположеніяхъ, расходы на сооруженіе укрѣпленій, помѣщеніе для гарнизоновъ, устройство и содержаніе лазаретовъ, образованіе мѣстныхъ управленій, устройство магазиновъ, этаповъ, почтъ, на продовольствіе гарнизоновъ и другія экспедиціонныя надобности и экстраординарныя потребности неизбежныя во вновь завоеванномъ краѣ“.

При этомъ войска въ новый край постоянно прибывали, вызывая тѣмъ новые расходы. Но куда ни обращался генералъ-майоръ Черняевъ о высылкѣ денегъ, онъ или вовсе не получалъ ихъ, или же получалъ въ такомъ недостаточномъ количествѣ, что не только не представлялось возможности къ какимъ либо заготовленіямъ на будущее, но даже покрывать уже сдѣланныя затраты изъ разныхъ источниковъ. Въ этомъ положеніи генералъ Черняевъ вынужденъ былъ, очевидно силою самихъ обстоятельствъ, обращаться къ позаймствованіямъ изъ разныхъ суммъ и на свое содержаніе, изъ коего по его собственному заявленію (донесеніе отъ 24 и 28 Февраля 1865 г. № 619 и 882) командуя-

*) Курсивъ мой. А. Ч.

щему войсками Западной Сибири онъ выдавалъ на прокормленіе „бѣдствующихъ семействамъ нижнихъ чиновъ“.

„При такихъ затрудненіяхъ, неожиданное овладѣніе столь обширнымъ краемъ въ Средней Азіи составляетъ такую заслугу генераль-маіора Черняева, что *Контрольная Палата не только не рѣшается настаивать на взысканіи съ него* оставшихся за нимъ въ долгу 3931 р. 9¹/₄ коп., но считаетъ съ своей стороны вполнѣ справедливымъ ходатайствовать о принятіи сей суммы на счетъ казны“.

Подписалъ: управляющій Палатою Листовскій.

Вѣрно: и. д. помощникъ ревизора Поповъ.

Какіе бы ни были комментаріи къ вышеприведенному интересному документу, хранящемуся въ архивахъ Оренбургской Контрольной Палаты, они намъ кажутся излишни. Краснорѣчивый рапортъ управляющаго Палатой*) не только освѣщаетъ истину въ дѣлѣ о начетѣ относительно безпощаднаго преслѣдованія Ташкентской администраціей, при многомилліонномъ бюджетѣ края, находившагося въ отставку съ небольшой пенсіей покорителя Ташкента, но рапортъ этотъ крупными штрихами обрисовываетъ картину завоеванія этой обширной и богатой области, сдѣланнаго по истинѣ на мѣдныхъ деньги, въ совершенно исключительно-тяжкихъ матеріальныхъ тискахъ.

Антонина Черняева.

*) Это былъ недавно скончавшійся достопочтенный Николай Степановичъ Листовскій (братъ Ивана Степановича, котораго статьи и сообщенія помещались въ „Русскомъ Архивѣ“). П. Б.